

духовные интересы которой сможет «удовлетворить театр, свободный от необходимости заигрывать с недостаточно развитым массовым вкусом».

Но от создания манифеста до создания театра прошла дорога длиною в три года. Камерный театр, залученный как малейшая Касталия на территории Воронежа, испытывал все посясения и тектонические явления, какие обрушились на нашу огромную державу за последние время. Первоначально казалось, что уредить еще один театр в городе — не очень трудно: эту посевную задачу взял на себя Горьковский Совет народных депутатов. Отлично! Только косяк репешались: необходимые организационно-хозяйственные вопросы — Советом отменены.

те, остальные по мере надобности приглашаются на роль, минимум, технических сотрудников, отличная реклама, постоянное внимание прессы и свой зритель, еженедельные заполнения уютный зал. В репертуаре шесть названий, в работе еще два. Вот только с деньгами по-прежнему трудно.

Финансовые же структуры славного города Воронежа не спешат спонсировать молодой организм, несмотря на очевидную выгоду этой акции. У Бычкова есть смежная, наивная и трогательная затея: оборудовать зрительный зал некими ложами на двоих, а на спинке каждого кресла табличка: «Этой места подарены представителями такой-то фирмы» — одновременно и

ДРУГОЙ ТЕАТР

Слава Богу, что новорожденное дитя успело занести в Единый Реестр театров РФ, хотя организационные вопросы еще много месяцев решать было некому, и Бычков исходил по коридорам местной власти много миль безнадельных дорог. Воронежские руководители всех уровней были свято убеждены, что в их благословенном городе с искусством все в порядке, а раз так, зачем нужен еще один театр? И что такое Муниципальный театр? Муниципалитету его совсем не надо, так зачем мзру вникать еще и в эту проблему?

Город так и не нашел возможности выделить новому «очагу культуры» хоть какое-то помещение, пригодное для жизни и творчества. Неожиданно помогли нормальные люди из Управления Юго-Восточной железной дороги, отдав под театр часть ведомственного Дома культуры.

За время поисков помещения Бычков научился многим полезным вещам: просить денег, убеждать чиновников, вербовать сторонников среди противников, а также освоил язык строительного дела.

Но какой же славный получился театрчик, открывший свой первый сезон 21 июня 1984 года! За те 100 мест, расположенный амфитеатром, низкая сцена с открытым парком осветительной аппаратуры. Весь пол покрыт серым ковровым, на правой стене эмблема театра — смешной английский человек-конек, старинный символ лидерства и непокоя. Кресла для зрителей позимованы в театре кукол. В боке очень хорошая большая высокая фотобарка, привлекательные каталандеры и настоящий винусный кофе в буфете. Каждый сантиметр этого крохотного пространства использован со вкусом и толком, и все это вместе производит впечатление не только Касталии, но и Иллирии. Отдельный вход позволил сразу же сенарироваться от гостеприимного Дворца и пригласить публику и места о посещении Театра, но не обычного, а Камерного, где зрители, артисты и персонажи существуют в едином пространстве Искусства.

Сегодня в Камерном все сложилось как мечталось: косяк труппы — шесть артистов на годичном контрак-

тую художественную индивидуальность, падающую рядом.

Режиссер придумал очень хитрый ход — как бы послушавшись Буало, который предостерегал театральных деятелей по поводу Расина: «Француз в ризах яван не следует ридить», он одел героев спектакля в костюмы восточного театра и надел их ось боим пластикой, то ли японской, то ли китайской, а может быть, вообще какой-то, цивилизованный жест, стилизованная музыка, которой сопровождался спектакль (а исполняет ее все тот же Мокшанов на каких-то немилых инструментах), и трагедия Расина вместе создают зрелище загадочное, таинственное и очень современное.

Олег Мокшанов в моноспектакле Вячеслава Кокорина «Сон смешного человека» — что вообще что-то невообразимое. Чесок сегопашинский, тер умея так душевно раскрываться перед зрителем, так подробно исследовать больные и страдания сознание, так обстоятельно и убедительно раскрывать ответственность каждого человека за зло, причиняемое всему человечеству. — в этом и впрямь есть что-то божественное. Дар, которым наделяет Мельпомена своих любимых сынов.

В «Старож» Г. Пинтера О. Мокшанов играет старого бродягу Дэвиса, злую личику, поспешившую в дубавой избушке короткого зайчика Актона. М. Бычков выстраивает замечательный дуэт актеров — опытный О. Мокшанов и совсем еще молодого С. Ялина. Две разные жизни случайно соединились под одной крышей и пообщались. Случай определил как Судьбу. Как компенсацию за одиночество, как награду за долготерпение, как возмещение за страдания. Судьба, может быть, и дала шанс старому прохождению Дэвису, да он использовал его бездарно, поскольку не смог понять, что без любви и сострадания к ближнему, без благодарности за добро — ты не человек и место тебе на помойке.

«Лалала» — композиция М. Бычкова и С. Ялина по произведениям Александра Вертинского — самый экспериментальный спектакль в репертуаре театра. В нем нет ни одного слова, кроме песен Вертинского, которые замечательно красиво и совершенно по-совоному исполняет Сергей Ялин. Час с небольшим раскручиваются, назалось бы, совершенно посмертный Вертинский сюжет — поете и певце, артисте по рождению, который живет в неутоленной и неухоженной комнате с механической женщиной, озвученной личи привычными хозяйственными делами: уборкой, стиркой, едой. Он отчаянно пытается разбудить эту холодную статую (Н. Шевченко), поет ей «Мальчик сморит», разглагольствует смешную сценку с белыми парусами. Исполняя «В базановом замочном Сингапуре», дурачится, надевает на спину таз, в котором она принесла выстиранное белье, изображая огромную черепаху.

Холодная женщина, раздражаясь, все отбрасывает, а он ей в ответ бросает: «Ваши пальцы пахнут ладаном». Горе какое, когда тебе не понимают! И бедный поэт пытается украсить свои клэны гирляндой из разноцветных лампочек. Вдруг возникает абрис любимого Вертинским костюма Пьеро и становится очевидной близкороственная духовная связь современного молодого актера с таким художественным явлением по имени Александр Николаевич Вертинский. Но никогда! Лалала — оно не поворачивает. Будет другое — веселое или трагическое, жизнеутешное или предающее. Совсем другое, каким стал в Воронеже сам театр Михаила Бычкова, дополнив фактом своего появления и существования радостную картину театральной жизни города.

Ирина АМИТОН.

● «Вереника». Антохов — С. Ялин, Береника — Н. Шевченко.

● «Сон смешного человека» — О. Мокшанов.

Фото Андрей Архипов.

